

Красоткин Д.М.

ORCID: 0000-0002-3721-4278

Тверь, Россия

E-mail: dmitrij.krasotkin@yandex.ru

УДК 821.161.1-32(Бунин И. А.)

DOI 10.26170/ufv19-04-09

СТРАТЕГИИ ЧТЕНИЯ: «ЛЕГКОЕ ДЫХАНИЕ» И. БУНИНА С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ СЕМИОТИКИ

Аннотация. В данной статье рассматриваются различные варианты прочтения известного текста И. Бунина и пути формирования этих различных прочтений. Текст рассматривается с помощью дискурс-анализа, а различные интерпретации текста строятся как на детальном анализе самого произведения, так и на привлечении внетекстовых элементов. В статье показывается, что один текст может порождать различные, как дополняющие друг друга, так и противоречащие друг другу, смыслы. Потенциальная интерпретативность текста создается за счет привлечения к анализу различных текстовых структур, а также за счет наличия семантических сломов в самих структурах. Знаменитый рассказ Бунина много раз попадал в поле зрения исследователей, что свидетельствует о его смысловой плотности, именно этим текст в данном случае и интересен. К тому же выбранный текст, как и все творчество И. Бунина, относится к «переломной» эпохе, что уже во времена его публикации было поводом для разных прочтений.

Ключевые слова: Бунин, художественный текст, интерпретация, дискурс-анализ, множественность смыслов, семиотика.

Krasotkin D.M.

Tver, Russia

READING STRATEGIES: “*LEGKOE DYHANIE*” (“*THE LIGHT BREATH*”) BY I. BUNIN FROM THE POINT OF VIEW OF SEMIOTICS

Abstract. This article discusses various options for reading the famous text by I. Bunin, and the ways of forming these various readings. The text is examined using discourse analysis, and various interpretations of the text are based both on a detailed analysis of the work itself and on the use of non-textual elements. The article shows how one text gives rise to different meanings, both complementary and conflicting. The potential interpretability of the text is created by involving various text structures in the analysis, as well as through various semantic breakdowns in the structures themselves. The famous story of Bunin many times fell into the field of view of researchers, which indicates its semantic density, which is why the text in this case is interesting. In addition, the selected text, like all the works of I. Bunin, refers to the “turning point” era, which already at the time of its publication was an occasion for different readings.

Keywords: Bunin, literary text, interpretation, discourse analysis, plurality of meanings, semiotics

Знаменитый бунинский текст снискал себе особый статус в истории русской литературы. Особость эта заключается в совпадении двух векторов внимания: читательского и исследовательского. С одной стороны, этот небольшой текст стал хрестоматийным как в русской литературе в целом, так и в малой прозе в частности; с другой стороны, «Легкое дыхание», начиная с уже тоже хрестоматийного разбора новеллы Л. Выготским, является одним из наиболее анализируемых прозаических текстов. Подобное внимание породило вокруг текста целый ореол читательских реакций. Более чем вековое пристальное перечитывание «Легкого дыхания» позволяет увидеть все больше значимых элементов и связей в тексте, в связи с чем представляет собой особый исследовательский интерес. Состоит он в следующем: каким образом соотносятся между собой разные интерпретации текста; какова смысловая доминанта текста; какие стратегии чтения можно обозначить.

В настоящей статье попытаемся одновременно двигаться в сторону интеграции текста и в сторону его дезинтеграции, иначе говоря, балансировать на грани конструкции и деконструкции. Под конструкцией понимается концептуальное завершение текста, возможный мо-

дус его восприятия, и в соответствии с этим определенная стратегия чтения. Конечно, подобного рода концептуализация во много умозрительна и условна; она строится на выведении из текста соответствующей макропропозиции, которая будет являться лишь возможным вариантом. По этой причине будем обращаться и к элементам деконструкции, чтобы демонстрировать противоречия и смысловые разрывы в тексте, а также невозможность сведения текста под одну концептуальную канву.

Обратимся сперва к вышеупомянутому программному анализу рассказа, произведенному Л. Выготским. Напомним, что «рассказ повествует о том, как Оля Мещерская, провинциальная, видимо, гимназистка, прошла свой жизненный путь, ничем почти не отличавшийся от обычного пути хорошеньких, богатых и счастливых девочек, до тех пор пока жизнь не столкнула ее с несколько необычными происшествиями. Ее любовная связь с Малютиным, старым помещиком и другом ее отца, ее связь с казачьим офицером, которого она завлекла и которому обещала быть его женой, – все это “свело ее с пути” и привлекло к тому, что любивший ее и обманутый казачий офицер застрелил ее на вокзале среди толпы народа, только что прибывшей с поездом. Классная дама Оли Мещерской, рассказывается дальше, приходила часто на могилу Оли Мещерской и избрала ее предметом своей страстной мечты и поклонения» [Выготский 2017: 230-231]. Это краткое изложение рассказа, которое дает Выготский. Свой анализ известный психолог во многом производит в русле формалистской теории искусства, что отражается в терминологии, которой он оперирует (материал/форма, фабула/сюжет и др.). Основная идея Выготского заключается в том, что фабула рассказа преодолевается сюжетом, и соответственно вся интерпретация строится на несовпадении фабулы и сюжета, или материала и формы. Таким образом, в рассказе действуют противоположенные смысловые векторы: фабула рассказа показывает порочную и короткую жизнь Оли Мещерской, а композиционная организация сюжета показывает легкость и преодоление всей «житейской мути». Общая же смысловая доминанта рассказа, по мнению Выготского, формулируется следующим образом: «история о беспутной гимназистке претворена здесь в легкое дыхание бунинского рассказа» [Выготский 2017: 239].

Как можно заметить, в приведенном анализе языковая сторона текста во многом отходит на второй план. Созвучных интерпретационных результатов можно достичь, используя элементы дискурс-анализа, т. е. погружая текст в широкий контекст. Проиллюстрируем. Например, широко известен комментарий самого Бунина относительно героини рассказа, которая доведена до предела своей «утробной

сущности», только эту самую утробность в рассказе он обозначил как «легкое дыхание». «Утроба как локус зарождения жизни и могила как точка ее финального и безысходного пересечения образуют семантические полюса рассказа, его главный смысловой нерв» [Анисимов 2016: 84]. Так, внешний контекст, основывающийся на авторском пояснении, формирует другую, натурфилософскую стратегию прочтения. Как видно, одна подробность о центральном мотиве текста может послужить достаточным поводом для формирования макропропозиции всего рассказа.

Впрочем, одну подробность можно подменить другой. Известно, что «Легкое дыхание» Бунин писал специально для пасхального номера газеты «Русское слово». Рассказ в контексте пасхального номера актуализирует соответствующие мотивные структуры. Здесь дополнительными коннотациями обрастают и дубовый крест, и надпись на воротах «Успение Божией Матери», и вся история Оли Мещерской. Если короткая жизнь Оли представляет собой «житейскую муть», то ее смерть явно становится спасением души, которая как бы материализуется в легком дыхании, которое рассеивается в весеннем ветре. Данная макропропозиция выстраивает макроструктуру дискурса (в смысле Т. ван Дейка) [ван Дейк, Кинч 2000: 41], которая актуализирует непосредственно христианский смысл рассказа. Заметим, что приведенные три трактовки бунинского текста отнюдь не исключают друг друга, но скорее дополняют друг друга, расширяя тематический репертуар дискурса. И хотя, несомненно, в приближении все три стратегии вполне самодостаточны, тем не менее их можно возвести к одному инварианту.

А.К. Жолковский формулирует этот структурный инвариант как «выпархивание». «Фигура “выпархивания из фона и слияния с ним” поддержана всей системой композиционных выходов из рамок, перескоков, нарушений причинной, временной и повествовательной логики, активизацией памяти, антуража, физической и словесной фактуры, как бы выступающей из отведенных ей пределов, чтобы завязать контакт с героиней и растворить ее в себе» [Жолковский 1994: 118].

Инвариант «выпархивания» очевидно наталкивает на еще одну стратегию прочтения рассказа. Эта стратегия строится на оппозиции «Оля – общество». Все эпизоды рассказа так или иначе демонстрируют выделение Оли из ее окружения и, конечно, разрыв этих связей. Сначала это ее выделение из сверстниц своим внешним видом, поведением, беспечностью и пренебрежением к социальным установкам, затем это неразделение ею чувств влюбленного гимназиста Шеншина, ее конфронтация и спор с начальницей, ее отвращение к Малютину после близости с ним, отказ в замужестве казачьему офицеру, который в итоге ее и убивает. То есть на протяжении всего рассказа общество пыта-

ется подавлять Олю Мещерскую, но возникает двусмысленность относительно финала. С одной стороны, героиню убивают, что свидетельствует о победе общества, с другой стороны, акцентирование легкого дыхания в финале указывает на то, что смерть была лишь очередным преодолением рамок, еще одним освобождением. В этой интерпретационной стратегии героиня представляется совсем по-иному. Та самая житейская муть исходит от окружающих ее людей, но не от самой Оли; она же, напротив, пытается высвободиться из порочных уз общества, она оказывается заложницей в этом мире. Такой взгляд на главную героиню дает возможности для переосмысления, к примеру, христианской трактовки рассказа.

Мотив подавления в рассказе, конечно же, дает широкое поле возможностей для фрейдистских трактовок. И общий тематический репертуар текста достаточно очевидно наталкивает на такую стратегию. Обратим внимание на наиболее скрытый, так сказать, подавляемый мотив в «Легком дыхании». Ю.В. Шатин показывает, что три героини рассказа (Оля, начальница и классная дама) испытывают Эдипов комплекс по отношению к братьям. Брат Оли Мещерской, Толя, о котором читатель узнает лишь то, что таковой существует; брат начальницы, Малютин, сосед Мещерских, склонивший к близости Олю; а брат классной дамы когда-то заменял ей ее собственную жизнь, она жила мыслями о его карьере, покуда тот не умер. «Тотальная обремененность братьев и сестер инцестуозными желаниями мастерски подавляется бунинским письмом: сексуальной связью в случае брата начальницы гимназии, смертью в случае брата классной дамы (с последующим вытеснением смертью Оли Мещерской) и изъятием фигуры из текста при обязательном сохранении знака в случае брата Оли» [Шатин 2003: 51]. Такая стратегия понимания текста достаточно сильно отступает от инварианта выпархивания.

Бунинский текст также не чужд всякого рода металитературным элементам и приемам. В «Легком дыхании» присутствует множество литературных аллюзий и сюжетных перекличек с классической прозой. Не раз упоминали, что фамилия гимназиста Шеншина является аллюзией на А. Фета, а легкое дыхание восходит к известному стихотворению «Шепот, робкое дыханье...», порождая своего рода идиллический модус восприятия. А относительно главной героини – сходство с Анной Карениной и Настасьей Филипповной. Убийство Оли Мещерской на вокзале во время прибытия поезда и сюжетно перекликается с Толстым, что дает возможность прочитывать трагическую историю Оли Мещерской как торжество «высшего нравственного закона», о котором писал Толстой. А кладбищенские мотивы рассказа восходят к «Бедной Лизе» и «Станционному смотрителю». Вообще автор очень

много в тексте играет различного рода аллюзиями, псевдоцитатами, нарочито создавая ощущение литературности, что, в общем, можно трактовать как скрытую иронию автора, если понимать иронический код вслед за Р. Бартом как эксплицитное цитирование «другого» [Барт 2009: 96], автор будто берет высказывание в кавычки. Это же подтверждается виртуозной игрой точками зрения в рассказе. Повествователь все время прикрывается чужой точкой зрения. Оля Мещерская показывается то глазами классной дамы, то начальницы, то казачьего офицера, то сквозь собственные записи в дневнике.

В тексте также чрезвычайно активна словесная фактура, свойственная модернистской прозе. В прозе Бунина присутствует достаточно отчетливое движение в сторону орнаментальности. Орнаментальная проза стирает «оппозицию между выражением и содержанием, внешним и внутренним, периферийным и существенным» [Шмид 2003: 149]. В рассказе Бунина все эти тенденции видны: нет четкой иерархии в истории и нарративе, стирается дифференциация между знаком и не-знаком. «В духе Серебряного века жизнь у Бунина имитирует слово» [Жолковский 1994: 116]. «Легкое дыхание», указанное в старинной книге отца, претворяется в жизни посредством Олиного вздоха, т.е. слово, написанное в книге, материализуется. Здесь интерпретационные ходы также разветвляются. О легком дыхании в рассказе вспоминает именно классная дама, женщина, которая всю свою жизнь существует выдумкой, как отмечается в тексте. Кроме того, ее постоянно мучает мысль о том, «как связать с этой шестнадцатилетней гимназисткой, которая всего два-три месяца тому назад так полна была жизни, прелести, веселья, этот глиняный бугор и этот дубовый крест». Возможен следующий интерпретационный ход: легкое дыхание – это тот образ, который помогает классной даме объединить все случившееся в связную историю, по сути дела выдумку. Возможен и другой ход: у классной дамы нет собственной жизни, точнее, она все время ждет, что жизнь ее как-то изменится; в противоположность себе она избрала Олю Мещерскую, девушку, которая никогда не ждала, а делала то, что казалось ей естественным, т.е. жила полной жизнью; они как два полюса, в финале рассказа классная дама живет, хотя не имеет жизни, а Оля Мещерская умерла, но до сих пор как будто живой взгляд ее смотрит с портрета на кресте и ее легкое дыхание рассеялось по земле.

Таким образом, как можно увидеть, текст Бунина предлагает читателю целую россыпь возможностей для актуализации различных смыслов. Потенциальная возможность для множества прочтений создается за счет высокой плотности текстового материала, аграмматизмов [Степанов 2018: 14], стилистических сломов и наращивания контекстов, которыми богат бунинский текст.

ЛИТЕРАТУРА

Анисимов К.В. Пасхальные мотивы в рассказе И.А. Бунина «Легкое дыхание» // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2016. №6 (44). С. 83-93.

Барт Р. S/Z. М.: Академический проект, 2009. – 373 с.

ван Дейк Т.А., Кинч В. Макростратегии // ван Дейк Т.А. Язык. Познание. Коммуникация. Б.: БГК им. И. А. Бодуэна де Куртенэ, 2000. С. 41-68.

Выготский Л.С. Психология искусства. СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2017. – 448 с.

Жолковский А.К. Блуждающие сны и другие работы. М.: Наука, 1994. – 428 с.

Степанов А.Д. Проблема «аграмматизма» в поэзии и прозе // Интертекстуальный анализ: принципы и границы: сборник научных статей. СПб., Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2018. – С. 11-26.

Шатин Ю.В. Скрытый мотив «Легкого дыхания» И.А. Бунина // Сибирский филологический журнал. 2003. № 2. С. 49-52.

Шмид В. Нарратология. М.: Языки славянской культуры, 2003. – 312 с.

REFERENCES

Anisimov K.V. Pashal'nye motivy v rasskaze I.A. Bunina «Legkoe dyhanie» // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologia. 2016. №6 (44). P. 83-93.

Bart R. S/Z. M.: Academicheskyy proect, 2009. – 373 p.

van Dejk T.A., Kinch W. Macrostrategii // Yazyk. Poznanie. Kommunikatsiya. B.: BGK im. I.A. Boduena de Kurtene, 2000. – P. 41-68.

Vygotsky L.S. Psihologiya iskesstva. SPb.: Azbuka, Azbuka-Attikus, 2017. – 448 p.

Zholkovsky A.K. Bluzhdauschie sny i drugie raboty. M.: Nauka, 1994. – 428 p.

Stepanov A.D. Problema «agrammatizma» v poezii i proze // Inter tekstual'nyj analiz: principy i granicy: sbornik nauchnyh statej. SPb., Izd-vo S.-Peterb. un-ta, 2018. P.11-26.

Shatin U.V. Scrytyj motiv «Legkogo dyhaniya» I.A. Bunina // Sibirsky filologicheskyy zhurnal. 2003. №2. P. 49-52.

Shmid V. Narratologia. M.: Yazyki slavyznskoj kul'tury, 2003. – 312 p.

Науч. руководитель: Артёмова С.Ю. к. филол. наук, доц.

Данные об авторе

Красоткин Дмитрий Михайлович – магистрант, 2 курс, филологический факультет, Тверской государственный университет.

Адрес: 170100, Россия, Тверь, ул. Желябова, 33.

E-mail: dmitrij.krasotkin@yandex.ru

Author's information

Krasotkin Dmitrii Mikhailovich – 2nd year Master student, Faculty of Philology, Tver State University.